

РЕБЕККА
ДЖЕЙМС

РЕБЕККА
ДЖЕЙМС

Тайная
жестокость

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Д40

Серия «Ангелы и демоны»

Rebecca James

COOPER BARTHOLOMEW IS DEAD

Перевод с английского *А.А. Науменко*

Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения
Conville & Walsh Ltd. и Synopsis Literary Agency.

Джеймс, Ребекка.

Д40 Тайная жестокость : [роман] / Ребекка Джеймс ; [пер. с англ. А.А. Науменко]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Ангелы и демоны).

ISBN 978-5-17-089735-3

Под обрывом найдено тело Купера Бартоломью.

Официальная версия — самоубийство...

Но Либби, девушка Купера, не может в это поверить. Неужели он — самый популярный парень в колледже, душа компании — свел счеты с жизнью?

Либби чувствует, что окружающие знают об обстоятельствах гибели Купера больше, чем говорят. Что же произошло на самом деле?

Разматывая клубок лжи и предательства, Либби вскоре сталкивается с тем, чего не хотела бы знать...

Разбитая вдребезги мечта тянет назад, в прошлое.

Но только собранная по крупицам правда поможет начать новую жизнь...

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-089735-3

© Rebecca James, 2014

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

СЕЙЧАС

Никогда не думал, что умру вот так.

Падение с утеса внезапно и повергает в шок, приближение земли ужасает. Когда я разбиваюсь о землю, то не чувствую боли. Боль — это предупреждение о том, что что-то не в порядке; в ней нет смысла, когда больше уже нечему быть не в порядке.

Я быстро осознаю некоторые вещи — мои руки и ноги вывернуты под невообразимым углом. Кровь растекается под головой.

Я думаю о маме.

И Либби... Ее тепле, глазах, теле. Мысли, которые заставили бы меня улыбнуться, если бы я мог, воспоминания, которые заставили бы меня бороться за жизнь, если бы я мог.

Ужасно только представить ее боль и опустошенность.

Затем я вспоминаю, как попал сюда, цепочку событий, которые привели к этому. Тайны и ложь.

Меня переполняет тщетное желание сделать что-нибудь. Найти Либби. Рассказать ей всю правду.

1. ЛИББИ

Я сплю и вижу сны, когда кто-то стучит в дверь моей спальни. Спросонья я думаю, что это Купер, но это моя мать открывает дверь, подходит и присаживается на край кровати. Я моргаю, протираю глаза и с тревогой замечаю, что мама плакала.

Я сажусь в постели, сразу же проснувшись.

— Что? Что случилось?

— Ох, Либби, дорогая, — говорит она.

Я жду, чувствуя, как колотится сердце. Даже не могу представить, что заставило ее так горевать.

— Ох, милая, мне так жаль, — продолжает она, беря меня за руку. — Купер. Он умер. Погиб. Вчера ночью он... Он мертв.

Купер? *Мертв?*

Я отбрасываю одеяла и встаю. Нахожу свой телефон и проверяю экран. Там два новых сообщения от Купера. Я так устала вчера вечером, что рано легла спать и сразу же заснула. Я оставила телефон включенным и на полную громкость, но все равно не слышала ни звука.

Он прислал первое сообщение в одиннадцать:

Не спишь? Могу я заскочить? Целую.

Второе пришло через час, в начале первого:

Либс? Ты здесь?

Я пытаюсь позвонить ему, но меня переводят на голосовую почту. Я бросаю телефон на кровать.

— Я пойду к нему, — говорю я. — Узнаю, что происходит.

Мама встает и кладет руки мне на плечи. Она говорит медленно, срывающимся голосом. Я смотрю на нее с загипнотизированной отстраненностью.

— Ты не можешь. Купера больше нет. Он умер, дорогая. Ты не можешь поговорить с ним.

— Пусти меня, — вырываюсь я.

Подхожу к зеркалу и забираю волосы в конский хвост. Уже начинаю снимать пижаму, когда вижу отражение матери в зеркале. Я замечаю, как осторожно и грустно она смотрит на меня, и значение ее слов наконец до меня доходит.

— Нет, — произношу я. Только это. Мои ноги внезапно становятся ватными, слишком слабыми, чтобы держать меня. Я оседаю на пол и закрываю голову руками. Не сразу я понимаю, что звук, который я слышу, — низкий, животный стон, ужасный вопль отчаяния — исходит от меня.

Мама садится на пол рядом со мной, обнимает меня со спины, кладет мою голову себе на плечо. Мы сидим так, качаясь, очень долго.

2. СЕБАСТЬЯН

Себастьян завтракает, когда звонит городской телефон. В тишине кухни этот звук кажется резким, слишком громким, настойчивым, и он предчувствует плохие известия. Слишком рано для светских звонков. Его отец на работе, а мать в душе, поэтому он кладет ложку на стол и неохотно подходит к журнальному столику.

Себастьян снимает трубку. Тоби Ричардсон общается ему срывающимся голосом, что Купер мертв:

— Какой-то серфер нашел его сегодня утром на скалах. Говорят, что это было самоубийство. Мама работала в больнице, когда его привезли. Говорят, он спрыгнул с Брэдлис-Эдж. — Тоби внезапно разозлился: — Как будто *умышленно*.

Себастьян прислоняется к стене, закрывает рот тыльной стороной ладони. Перед его глазами встает гора Тимби и утес Брэдлис-Эдж, и в голове вспыхивает образ искаленного тела Купера: кровь и кости, острые скалы, изувеченная плоть. Разбитое, неподвижное лицо Купера. Себастьян дрожит, обхватив себя руками. На мгновение он чувствует, будто из атмосферы весь кислород высосали и заменили на что-то токсичное. Он глотает, задыхается, хватая воздух ртом.

— Ты в порядке? Себ? Друг?

Он делает вдох, выпрямляется, берет себя в руки.

— Я в порядке, — говорит он. Его голос сдержанный, формальный. — Спасибо, что сказал мне.

— Подожди минутку. Не вешай трубку. Себ?..

Ясно, что Тоби хочет остаться на линии, ждет чего-то от него. Он думает, что они могли бы утешить друг друга. Поплакать вместе. Обговорить это.

Но Себастьян не может, не будет. Все, что он в состоянии сделать, — снова поблагодарить, прежде чем отсоединиться и опустить трубку обратно на базу. В безопасности своей спальни он закрывает дверь, опускает жалюзи и дает волю слезам. Он чувствует себя разбитым, пустым, словно кто-то вырезал в нем дыру — в том месте, где была его душа.

3. КЛЭР

Клэр все еще в пижаме, только выбралась из постели, когда звонит Себастьян. Его голос хриплый — она может сказать наверняка, что он плакал. Клэр гадает, не принял ли он чего-нибудь.

Затем Себастьян говорит ей, что у подножия Брэдлис-Эдж было обнаружено тело Купера. Ее, как гигантский кулак, охватывает ужас. От этого скручивает желудок и кружится голова. Клэр оседает на пол, роняя телефон и ударяясь локтем о кофейный столик. Бри подбегает на помощь. Просит Себа перезвонить позже.

— Он мертв, — говорит Клэр. — Я не могу в это поверить. Я не могу, черт возьми, в это поверить.

— Кто? — Бри садится на корточки рядом с ней. — Клэр? Кто мертв?

Клэр рассказывает ей, что знает, и они сидят какое-то время в шоке. Они держатся за руки и плачут, смотрят друг на друга широко открытыми, полными ужасами глазами. Потом Бри встает и заваривает кофе, и они молча пьют. Кофе на вкус как пойло, и если бы у Клэр были силы, она бы встала и сделала им что-нибудь покрепче, более успокаивающее. Но она слишком разбита, чтобы шевелиться.

— Ты должна вернуться в кровать, — нарушает молчание Бри. — Хреново выглядишь.

Клэр счастлива, что ей говорят, что делать. Она позволяет Бри повести ее в спальню и безучастно ждет, пока Бри разбирает постель. Какое облегчение утонуть в мягком пуховом одеяле, простынях и подушках...

Только когда Бри уходит из комнаты и Клэр остается одна, она осмеливается подумать о прошлом вечере.

Она была настолько пьяна, что ее воспоминания туманны и расплывчаты. Клэр помнит первую часть вечера — пила водку, слушала музыку, танцевала пьяная в гостиной, — но все остальное

как в тумане. Она смотрит на кучу сброшенной одежды в углу комнаты. Черные ботинки, узкие джинсы, ее любимый топик с блестками. Должно быть, она куда-то ходила. Делала что-то. Она бы не стала носить этот топик дома. Клэр закрывает глаза, напрягается, чтобы вспомнить, и награждается внезапным четким воспоминанием: в какой-то момент она вызвала такси, шатаясь, сошла по лестнице и стала ждать на улице.

Куда она ехала? Куда?

К Себастьяну. Она видит, как стучит в его дверь. Входит внутрь. Они двое пьют виски прямо из его бутылки. Клэр ненавидит виски, но это ее не остановило — она чувствует кислый огонь, вспоминает, как у нее перехватывало дыхание, когда она его пила. Они вместе занюхали дорожку. Возможно, две. Оба были под кайфом.

Но произошло что-то еще. Что-то плохое. Что-то, из-за чего она была несчастной и плакала.

Клэр ложится на спину и смотрит в потолок. Начинает формироваться следующее воспоминание. Оно появляется медленно, разрозненными фрагментами, как вырезанные и перемешанные кадры старого фильма. Но этого достаточно, чтобы составить расплывчатую картинку, более чем достаточно, чтобы ее сердце забилося быстрее и ее бросило в жар.

Она была в машине с Купером. Оба злились. Ужасная ссора. Слезы и крики. Она помнит, как толкает его. Толкает его снова. Толкает его сильно.

Она начинает плакать, позволяя слезам стекать по вискам, до линии роста волос.

Они ссорились. Она толкнула его.

А сейчас Купер мертв.

ТОГДА

4. КУПЕР

Я ходил по магазинам с Себастьяном, помогая ему делать покупки для вечеринки, которую он устраивал тем вечером. Делал я это неохотно. Свободное субботнее утро я бы мог провести с большей пользой. Позаниматься серфингом, или поспать, или просто побыть дома, или поработать над своим столом в мастерской. Но Себ серьезно относился к своим вечеринкам, и он ожидал от меня того же.

Себ с усердием запасался тем, что считал подходящей для таких случаев едой — причудливыми сырами и хлебом, разнообразными соусами и спредами. Ему нравилось смешивать коктейли с дорогим ликером, о котором никто больше не слышал, и подавать импортное пиво.

— Как ты думаешь, какой лучше? — спросил он, держа в руках два разных круга сыра.

— Не знаю, — пожал я плечами. — Какая разница?

Он вздохнул, опустил оба сыра в тележку, вытащил кошелек из заднего кармана и вынул две сотенные купюры:

— Сходишь в винный магазин? Купи две бутылки «Куантро» и две бутылки текилы. Хорошие. Золотые. Лучшие, что у них есть.

Я говорил ему миллион раз, что он бросает деньги на ветер. Никто никогда не ценил хорошую выпивку: большинство людей или плохо разбирались в ней, или были слишком пьяными, чтобы обращать внимание. Он мог подать этиловый спирт с вишенкой, и все бы приняли его за что-то качественное и с радостью бы проглотили. Но Себа не заботили расходы. Его родители были богачи — по-настоящему при деньгах, — и мать всегда следила за тем, чтобы у него имелось столько денег на карманные расходы, сколько нужно. Наверное, Себ тратил на свои вечеринки больше, чем моя мама на бакалею за целый год. Но невозможно было злиться на него за это. Себастьян Боккардо был самым щедрым человеком из всех, кого я знал. Он бы снял с себя рубашку, если бы его попросили.

Я зашел в соседнюю дверь в винный магазин. Нашел «Куантро» и оглянулся в поисках текилы. Она стояла на высокой полке, выше моего роста, так что пришлось потянуться, чтобы снять ее. И тут какая-то девушка в спешке врзалась в меня, как раз когда я схватил вторую бутылку. Это был не легкий толчок, а сильный удар, который чуть не сбил меня с ног. Бутылка выскользнула из моих пальцев, упала на пол и с шумом разбилась вдребезги.

— Господи! — воскликнул я. — Полегче.

— Ой, черт. Извини. Я запнулась. — Девушка подошла ближе к груде битого стекла и разлившейся жидкости. На ней были сандалии на босу ногу.

— Осторожнее, — сказал я резко. — Ты порежешь ноги.

Она отступила назад и впервые подняла на меня взгляд, и тогда я понял, что знаю ее со школы. Она была высокой, почти моего роста, ее прелестное лицо обрамляла копна темно-рыжих волос. Большие карие глаза, полные губы. Она, возможно, выглядела бы сексуально, если бы не была такой сердитой.

— Ты ведь ходила в Уолломскую среднеобразовательную школу?

Она кивнула.

— Я — Купер Бартоломью.

— Я знаю, — ответила она, изучая полки позади меня. Это было явное пренебрежение и нежелание общаться.

— Прости, ты...

— Либби, — резко бросила она.

Тогда я вспомнил ее. Либби Лоусон. Когда-то они с Клэр были хорошими подругами. Я не помнил, что точно произошло между ними, я только знал, что Клэр ее ненавидит.

В девятом или десятом классе нам с Либби поручили выпуск школьной газеты от нашего класса. Тогда Клэр посоветовала мне не подставлять спину, потому что Либби может нанести удар: якобы она была двуличной сукой. Я не обратил внимание на ее слова — Клэр всегда ссорилась с людьми, — и хотя я не узнал Либби получше, она показалась мне достаточно милой.

Я уже собирался напомнить Либби о выпуске газеты, но она сердито скрестила руки на груди. Язык ее тела явно был враждебным. В кои-то веки создалось впечатление, что Клэр оказалась права. Либби действительно была из таких людей. Надменной, заносчивой занудой.

Я указал на месиво у ее ног:

— Ты должна смотреть, куда идешь. Надо думать о других.

— А ты должен держать вещи крепче, — парировала она, хмурясь еще больше. — Тебе тоже надо думать о других.

В тот момент прибежал управляющий магазина и раскричался по поводу беспорядка на полу. Мы оба предложили вымыть пол, но он отказался, заявив, что мы только порежем пальцы и предъявим ему иск. Он сказал, что мы должны заплатить за разбитую бутылку, и я ответил, что совершенно не против, но он продолжал разглагольствовать, как будто я возражал. Мы с Либби скромно стояли, пока он убирал. Я поймал взгляд Либби и подмигнул, усмехнувшись. Могу поклясться, что уголки ее губ дрогнули, но она отвернулась, прежде чем успела улыбнуться.

Когда управляющий закончил уборку, мы пошли за ним к кассе, где он с кислым видом пробил наши покупки.

— Увидимся, — сказал я Либби после того, как заплатил. Она кивнула, и я взял свой пакет и вышел из магазина.

Однако прежде чем я успел отойти далеко, она меня окликнула:

— Эй! Подожди секунду!

Я остановился.

— Я должна отдать тебе деньги. — Либби протянула двадцатидолларовую купюру.

— Нет. Все в порядке.

— Но я...

— Не волнуйся. Правда. В любом случае это были не мои деньги. Мне они не нужны.

Либби пожала плечами, убрала купюру.

— Спасибо, — сказала она. — И прости за то, что произошло. Врезалась в тебя. Ты был прав. Мне нужно смотреть, куда иду. Я опасна для окружающих.

— Не бери в голову. Ничего страшного. — Я взглянул на ее коробку с бутылками вина. — Так планируется большая вечеринка?

— Небольшая, но элегантная встреча на пляже.

— Элегантная?

Тогда она слегка улыбнулась:

— Возможно, не такая уж элегантная. Костер на Риппл-Бич. Музыка. Немного танцев и песен. Сосиски и дешевое вино. Все такое. На самом деле сейчас, когда я произнесла это вслух, звучит совсем не элегантно. Но должно быть весело.

— Звучит потрясающе, — заметил я, действительно так думая.

Мы неловко помялись на месте, не зная, что сказать.

— Э, ну... — Она нерешительно пожала плечами. — Мне лучше поспешить. Увидимся...

— Ага, — ответил я. — Пока.

5. ЛИББИ

На вечеринке в тот вечер, в перерыве между разговорами, я сжимала в руках бокал с вином и смотрела на огонь, думая о встрече с Купером.